

Алексей САМАРИН (село Ольшанка Целинский р-н Ростовская обл.)

* * *

Корабли уходят от причала,

И бурлит в фарватере вода.

Суша, уплывая, исчезала,

Но пьянила ширь и глубина.

Впереди просторы открывались,

Ветром надувало паруса,

Но восторгом души наполнялись,

И свобода плавила сердца.

Неизвестность жажду пробудила,

Заглянуть туда, где облака.

С морем навсегда соединила

Чья-то своевольная рука.

Бури пилигримов не щадили,

И штормов никто не избежал,

Волны только щепки разносили,

Кораблей, покинувших причал.

Варяг

Прибой океанский от пены седой

Бросает на берег волну за волной.

О камни без жалости их разбивает,

Солёной слезой они в море стекают.

До блеска шлифуют отвесные скалы,

На теле скалы режут рвы и каналы.

На рейде стоят корабли. От причала

морская болезнь далеко их прогнала

Дым чёрный клубится и город скрывает,

А копоть на крыши домов оседает.

Тяжёлые тучи по небу ползут,

А чайки от плача, казалось, умрут.

Вдали развернулась японцев эскадра,

А ветер полощет два русских штандарта.

На белых холстах голубые кресты.

Апостол Андрей – повелитель воды,

Корнилов с Нахимовым стяг поднимали,

Когда Севастополь врагам не сдавали.

Наперсник побед, русской доблести, славы

Андреевский флаг – флаг великой державы.

«Варяг» и «Кореец» домой уходили,

И с целой эскадрой бой принять решили.

Безумцев в порту все суда провожали,

Военному мужеству честь отдавали.

Чемульпо давно уже в дымке растаял,

Андреевский стяг гордо крылья расправил.

Японцы на них в изумленье смотрели,

Глазам своим верить они не хотели,

Но русские пушки по целям стреляли,

Из жерл своих смерть и огонь извергали.

Металл скрежетал и броню разрывало,

Погибших волной океанской смывало.

Живые пощады себе не просили,

Они за умерших товарищей мстили,

И зубы сцепив, продолжали молиться,

Чтоб силы им дал к Порт-Артуру пробиться.

Варяг, огрызаясь, сквозь цепи прорвался,

«Кореец» один от врагов отбивался,

Но крейсер в беде канонерку не бросил,

И курс изменив, он движение сбросил.

Под вечер в Чемульпо они возвращались,

Они отошли, но японцам не сдались,

А утром на суднах кингстоны открыли,

Водой океанской тела их омыли,

В парадной одежде матросы следили,

Как их корабли в мир иной уходили,

И чайки, как прежде, над морем летали,

Они не прощались, они их встречали.

* * *

Женщина тихо по улице шла.

Улица была пустой.

Жёлтое что-то держала в руках,

В городе пахло весной.

Стук каблучков отражался от стен

И возвращался к земле.

Нежное сердце ждало перемен,

Не находило нигде.

Хрупкая женщина по мостовой

Медленно шла в полусне.

Помните, в городе пахло весной,

Значит — навстречу мечте.

* * *

Её душа любить хотела,

Тянулась к ласке и теплу.

Истосковавшееся тело

Уже давно ждало весну.

Она о многом не мечтала,

Не говорила никому,

И только ночью позволяла

Подушке вытереть слезу.

А дни летели быстротечно —

Работа, дети, дом, дела,

Земное счастье скоротечно.

Она его всю жизнь ждала.

* * *

Прошедшее лето по голым ветвям

Спускается вниз к почерневшей земле,

Туманом холодным скользит по стволам,

Стекает слезами по мёртвой листве.

Промозглая жуть прилипает к ногам,

Находит приют в отсыревшей душе,

Тоской безысходной звучит по ночам,

И траурным эхом дрожит в вышине.

Не знаешь, к каким обратиться врачам,

Висит циклопический глаз на столбе,

Похмелье приходит всегда по утрам,

Но поздно жалеть о потерянном сне.

* * *

А я умею слушать тишину,

Пройду к реке и на обрыве сяду,

И сигарету молча закурю,

Да не одну, а несколько и кряду.

Уныло чайки в небе закричат,

Волна волну у берега накроет,

Так было сто и двести лет назад:

Обрыв, река и чайка в небе стонет.

И кто-нибудь — такой же, как и я,

Придёт к обрыву, сядет и закурит,

И будет так же в берег бить волна,

Только меня тогда уже не будет.

* * *

Чувствую, как проходит,

Воздух вдыхаю жадно,

Снегом весенним сходит,

Мучит озноб и жажда.

Пот по вискам стекает,

Влагой подушка дышит,

Где-то собака лает,

Ветром листву колышет.

Клеточкой каждой тело

Чувствую и вдыхаю,

Синий кусочек неба,

Лёгкими растворяю.

* * *

Рассвет наступает. Морозит. Снежок,

И солнечный диск позолотит восток,

А двое безумцев бросают постели.

Кареты везут их на место дуэли.

И каждый намерен в назначенный срок

Рукой хладнокровно нажать на курок.

Мириться не будут, к барьеру их тянет,

А выпавший снег уже скоро растает.

Пора, всё готово, и время застыло.

Им лет пятьдесят на двоих всего было.

* * *

Пусть в небесах кружатся вороны,

Их не пугает высота.

Цепями руки мои скованы,

Прибиты к дереву креста.

Толпа к подножию стекается,

А солнце голову печёт.

Вороны ниже опускаются,

Народ неистово ревёт.

Душа от тела отделяется,

Кровь вены и аорты рвёт,

Палач привычно улыбается

И тряпкой вытирает пот.

Сознание меркнет и сжимается,

Пространство у меня в груди,

По телу нега растекается,

Покоем, пустотой внутри.

На запад солнце возвращается,

Закат кроваво-золотой.

И веками глаза смыкаются

И холод побеждает зной.